

**«Вместо жизни кочевой склонить их на принятие жизни неподвижной»:
о причинах седентаризации казахов в XVIII – XIX вв.**

Перфильев Александр Леонидович

Аспирант

Нижевартовский государственный гуманитарный университет,
гуманитарный факультет, г. Нижневартовск, Россия

delagardi@mail.ru

С начала вхождения казахских жузов в состав Российской империи в 30-е гг. XVIII в. одной из важнейших задач российских властей являлось урегулирование пограничных и межродовых конфликтов в Степи. Пограничные конфликты происходили между казахами с одной стороны и русскими пограничными жителями: уральскими казаками, калмыками и башкирами – с другой. Взаимные набеги, грабежи, убийства и похищения людей стали острейшей проблемой русско-казахских отношений. Для борьбы с этими усобицами, как на границе, так и в казахских кочевьях использовались различные средства: от посылки в степь карательных отрядов и возведения укрепленных линий до строительства школ и мечетей. Этой же цели служила политика сибирских и оренбургских властей по распространению среди казахов земледелия и оседлости (седентаризация). Причем в XVIII в. – первой трети XIX вв. у местных колониальных и центральных властей не существовало никаких сомнений в том, что оседание кочевников позволит их «цивилизовать», и власти, если и не стимулировали этот процесс, то, по крайней мере, не сдерживали его. Так, в начале 60-х гг. XVIII в. Сенат утвердил проект генерал-майора И.И. Веймарна (Сибирская губерния), в основу которого легла идея о переводе кочевников-казахов на оседлое положение, поскольку, по его мнению, именно благодаря этому казахи «в домех оставатца от воровства воздерживатца будут». (Казахско-русские отношения. 1961. С. 630-632). В оренбургском ведомстве в это же время также был утвержден план действительного статского советника П.И. Рычкова.

В 1804 г. оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский докладывал министру внутренних дел графу В.П.Кочубею, что те казахи, которые стали заниматься земледелием, проявляют «согласие и склонность к образованию», поэтому следует продолжать политику седентаризации. (Материалы по истории Казахской ССР... 1940. С. 244). В 1808 г. был издан указ Александра I о разрешении всем казенным поселениям принимать к себе казахов, желавших заняться земледелием, так как обедневшие казахи «производят на границе беспорядки». (Материалы по истории Казахской ССР... 1940. С. 239). В Инструкции Александра I председателю Оренбургской пограничной комиссии от 17 февраля 1823 г. подчеркивалось, что все беспорядки в Младшем жузе являются следствием бедности казахов. Благополучие «могли бы они получить при оседлой жизни от хлебопашества или нанимаясь в работники у наших пограничных жителей, а еще удобнее – в селениях оседлых хлебопашцев, которые бы состояли из их единоплеменников». Именно в переходе к земледелию местные колониальные власти видели способ «успокоения» кочевников.

Следует отметить, что законодательная и исполнительная инициатива на местах была сосредоточена в руках губернаторов, пограничного и окружного начальства. Следствием этого стала прямая зависимость внутривластного курса от позиции местных властей. В сложившейся ситуации контрастно обозначились два полярных подхода к решению проблемы оседания казахов на землю. С 20-х гг. XIX в. достаточно ясно обозначились различия к процессу оседания казахов на землю – в оренбургском ведомстве управлявшем Младшем жузом, всячески этому противились, в сибирском, в ведении которого находился Средний жуз, наоборот, способствовали.

Так, в «Уставе о сибирских инородцах» 1822 г. фиксировалась система льгот для беднейшего казахского населения - байгушей, а также устанавливались различные поощрения за переход к земледелию. Такая помощь объяснялась тем, что очень часто

байгуши «впадали в хищничество, или помогали в грабительстве киргизам, располагающимся вблизи линии.

В оренбургском же ведомстве полагали, что казахи полезны для России в качестве кочевников. Поэтому генерал-губернатор В. А. Перовский даже запретил прилинейным казахам возводить жилые постройки и заниматься земледелием. Но здесь необходимо подчеркнуть, что местные оренбургские власти запрет земледелия во многом объясняли боязнью социальных потрясений и вспышек новых усобиц. Даже хорошо знавший степь А.И. Левшин считал, что «... не заведением селений водворится в ордах тишина и согласие... выгоды России требуют, чтобы она состояние богатых пастухов не меняла на состояние бедных земледельцев... самая степи как будто нарочно созданы для кочевой жизни». (Левшин, 1832. С. 30). Кроме того, переход к земледелию воспринимался кочевником-казахом как личная трагедия, и земледелием начинали заниматься только разорившиеся и самые бедные степняки.

Но, несмотря на запреты, казахи все равно постепенно переходили к земледелию. С конца 50-х гг. XIX в. изменилась и политика оренбургских властей по данному вопросу: возобладало мнение, что «пока киргиз кочует, он неуловим ни для какого правительственного влияния, и только привязав его к земле, можно действовать на его нравственные стороны. Даже и в интересах развития скотоводства необходима оседлость». (Костенко, 1870. С. 164-165). Кроме того, перед глазами оренбургской администрации был успешный опыт сибирских властей, политика которых приносила свои плоды – обстановка в степи Сибирского ведомства была гораздо стабильней и спокойней во многом благодаря приобщению казахов к земледелию. Оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин признал, что «новые правила» управления казахами оренбургского ведомства необходимо строить в соответствии с «сибирскими началами».

В 1861 г. Комитет министров «признал необходимым не только не препятствовать, но даже содействовать развитию оседлости и хлебопашества между оренбургскими киргизами, и что лучшим к тому поощрением было бы установление правил, обеспечивающих право пользования землей, ибо отвод земли с условием по требованию правительства снести возведенную постройку и разделить удобренную пашню с посторонними лицами без всякого вознаграждения может удержать многих киргиз от необходимых, при прочном водворении, затрат и остановить в зауральской степи успехи земледелия, возможные лишь при обеспеченном пользовании землей». (Казахско-русские отношения. 1964. С. 479).

Таким образом, одной из главных причин седентаризации казахов в XVIII – XIX вв. являлось стремление центральных и местных властей достичь мира как на границах с казахскими кочевьями, так и в самих жузах. Достиж данной цели удалось только в результате сочетания силовых, экономических, политических, социальных мер, направленных на «замирение» Степи.

Литература

1. Казахско-русские отношения в XVI – XVIII вв.: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961.
2. Казахско-русские отношения в XVIII – XIX вв. (1771 – 1867 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964.
3. Костенко Л.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870.
4. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 3.
5. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828). М. – Л., 1940. Т. IV.